

Эдуард **Багрицкий**

Эдуард Багрицкий

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

ПЕРЕВОДЫ

Пермское
книжное
издательство
1986

Тексты печатаются по изданиям:
Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. — М.: Моск. рабочий, 1984.
Эдуард Багрицкий. Стихотворения и поэмы. — М.: Правда, 1984.

Художник М. Курушин

Б 4702010200—21
М152(03)—86 32—86

© Оформление.
Пермское книжное
издательство, 1986.

Эдуард Багрицкий родился 4 ноября 1895 года в Одессе. Революционные события не просто повлияли на становление личности юноши, они сделали из него поэта.

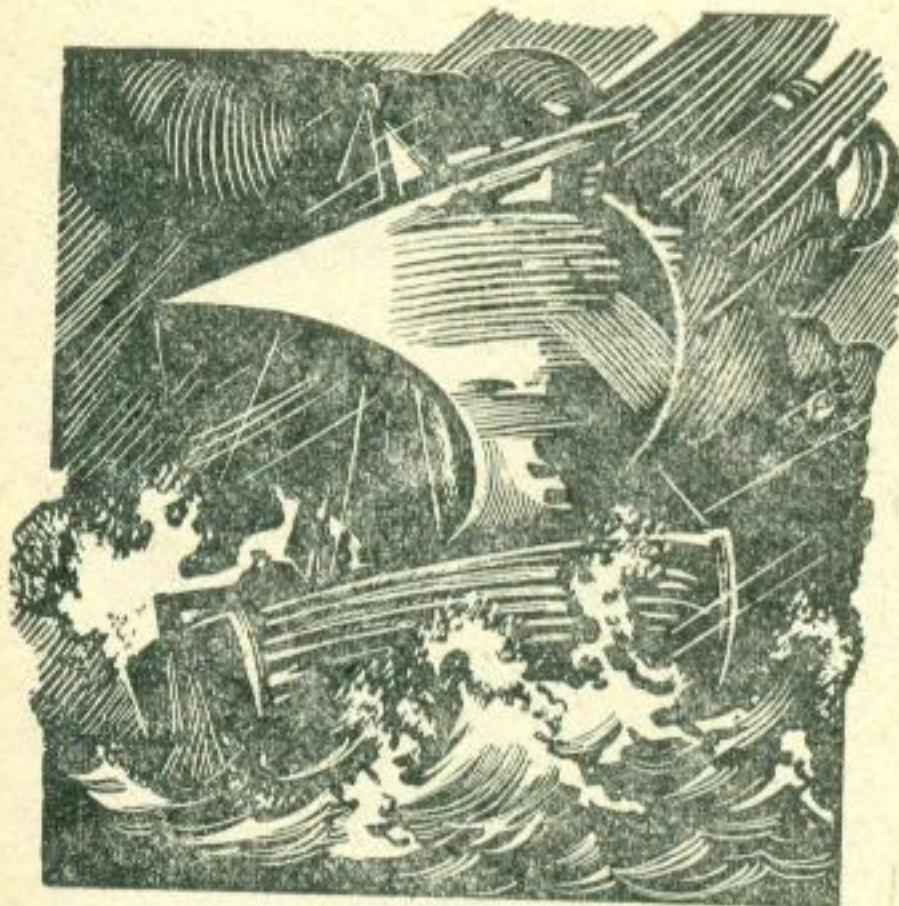
Багрицкий добровольно вступил в ряды Красной Армии, воевал за освобождение Украины от банд атаманов Махно и Григорьева, писал агитстихи, листовки, воззвания. Работал в Югроста, в одесских «Известиях», печатался в газетах «Моряк», «Шквал», «Станок» и др.

Вихрь революции, грозные и бурные события начала XX века навсегда определили романтический пафос поэзии Эдуарда Багрицкого. Дорога, ветер, море — любимые образы поэта, а герои его произведений — свободолюбивые бунтари.

Энергия и мужество, драматизм и лиричность, ирония и высокая героика создают особый гармонический мир поэта-жизнелюба. Сама жизнь была полна ге-

роизма, силу и радость этой жизни воспевал Эдуард Багрицкий, и творчество его — современно, взгляд поэта по-прежнему устремлен в «мир, открытый настежь бешенству ветров».

Стихотворения и поэмы

КРЕОЛКА

Когда наскучат ей лукавые новеллы
И надоест лежать в плетеных гамаках,
Она приходит в порт смотреть, как
каравеллы
Плывут из смутных стран на зыбких
парусах.

Шуршит широкий плащ из золотистой
ткани;
Едва хрустит песок под красным
каблучком,
И маленький индус в лазоревом тюрбане
Несет тяжелый шлейф, расшитый
серебром.

Она одна идет к заброшенному молу,
Где плещут паруса алжирских бригантии,
Когда в закатный час танцуют фараонду,
И флейта дребезжит, и стонет тамбурин.

От палуб кораблей так смутно тянет
дегтем,
Так тихо шелестят расшитые шелка.
Но ей смешней всего слегка коснуться
локтем
Закинувшего сеть мулата-рыбака...

А дома ждут ее хрустальные беседки,
Амур из мрамора, глядящийся в фонтан,
И красный попугай, висящий
в медной клетке,
И стая маленьких бесхвостых обезьян.

И звонко дребезжат зеленые цикады
В прозрачных венчиках фарфоровых
цветов,
И никнут дальних гор жемчужные
громады
В беретах голубых пушистых облаков.

Когда ж проснется ночь над мраморным
балконом
И крикнет козодой, крылами трепеща,
Она одна идет к заброшенным колоннам,
Окутанным дождем зеленого плюща...

В аллее голубой, где в серебре тумана
Прозрачен чайных роз тягучий аромат,
Склонившись, ждет ее у синего фонтана
С виолой под плащом смеющейся мулат.

Он будет целовать пугливую креолку,
Когда поют цветы и плачет тишина...
А в облаках, скользя по голубому шелку,
Краями острыми едва шуршит луна...

1915

Весла к черту!
Мачта на весу!
Сын, держись!
Рыбацкими руками
Я спасу тебя, спасу, спасу!

Ветер ходит,
Ветер крышу бьет,
Перевернутый качает бот...

— Это вы, Мари? На вас лица нет!
— Жанна, Жанна! Зачерпни вина...
— Дорогие, вас навылет ранит
То, что я вам сообщить должна.
Вот мешок, разодранный и старый,
Вот мешок из тысячи мешков,
Но в него завернуты две пары
Порванных рыбакских башмаков...
Их сегодня у восточных скал
Кум Керсак случайно отыскал.

1924

ОСЕНЬ

Осень яблоками пахнет,
Вся Нормандия в садах,
Целый день поёшь на вахте,
Слышишь ветер в парусах.

Деревенского покоя
Пил и я, не так давно,
Яблочное, молодое,
Августовское вино.

Отдыхать приятно было.
Тишина, часы стучат.
Над деревнею застыла
Синева, как век назад.

Так же утром башмаками
Матушка стучит всегда,
И, гонимы пастухами,
Те же движутся стада.

Вечер скучный и пустынный,
Освещаемый свечой,—
На задворках гам гусиный,
Голос пса сторожевой.

Все в покое разомлело,
Тишины не побороть.
Не морское это дело —
Кур кормить, гусей колоть!

Но средь этого покоя
Вспоминается одно:
Яблочное, молодое,
Августовское вино.

Так и брызжет вон из чана,
Ходит силой дрожжевой,
Зачерпни скорее, Жанна,
Этой влаги золотой.

Свежей горечью играет,
Бродит, сердце шевеля.
Слышу — капитан ругает:
«Замечтался у руля!»

Замечавшись, не заметил,
Как подходит полоса,
Как ложится шхуна в ветер,
Как полошут паруса.

Осень яблоками пахнет,
Вся Нормандия цветет,
Но рассеянность на вахте
Нас к добру не приведет!

1924

Я — старый волк футбола...
Когда форварды Уругвай
(Еще в начале нашего века)
Были ордой ребятишек веселых,—
Я на землю бросал
Самых тяжелых,
Самых огромных хавбеков...

Я — старый волк футбола.
И когда мяч из центра
Несется в лоб,
Я его отбиваю:
Гоп...

И он, пролетая под балкой ворот,
Над форвардов
Ошалелой грудой,
Через разинутый
От удивленья рот
Голкипера, —
Влетает в его желудок...
Это мой метод защиты.

Не правда ли — хороша?
Мои башмаки научились
Ей у карандаша.
И карандашей этих строки —
Не перекличка лир;
Они проникают умело
В дыры вашего тела —
В ваши девять дыр.
И каждого слова
Грубый кусок
Камнем ложится
В плесень хишок.

Мы — поэты...
Ну...
Мы сказали уже об этом.